ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

К Р И Т И К А

Лев АННИНСКИЙ

Сладнящая любовь

О книге стихов Дмитрия Барабаша "Мне до фени твои приколы!"

У меня есть основания сообщить читателю отчество поэта Дмитрия Барабаша: он – Владиленович.

Значит, дед его в молодые годы назвал своего сына в честь вождя мирового пролетариата, и это говорит об отношении деда к вождю.

Внук же написал стихи, где употребил вождя с маленькой буквы, назвал труды его парашей и пририфмовал эту "парашу" к "шалашу", где те труды писались.

У внука были причины для такой горечи: в 1937 году деда (усердно строившего стране железные дороги) упекли-таки в Гулаг. О чём внук прямо писать не стал. Но колючая проволока всё-таки пробилась в его стихи сквозь траву степей и нагорий, заполыхала "огнями тюремных оград" – внук родился и вырос в Киргизии и вдосталь поколесил по стране, когда отбывал срочную в армии прежде, чем стать журналистом.

Так что к нему персонально судьба отнеслась, можно сказать, более-менее терпимо: могли бы убить, но не убили (это он так шутит). Чувство юмора налицо: сталинские "шуточки" поминает с усмешкой, сталинских "шуточек" не застал – родился через два года после того, как этого вождя народов ногами вперёд вынесли из мавзолея и схоронили с глаз подальше.

Тем интереснее понять, каким видит мир поколение, которому досталось в наследство… нет, не безжалостная Советская власть, а её руины, не сверкающий в будущем Коммунизм, а его химерическая тень, не всемирный смысл происходящего, а пустота на месте смысла. Им не пришлось рвать душу, меняя власть, как рвали прошлое из сердца последние идеалисты – "шестидесятники" (не говоря уже об окопниках 1941 года).

Молоденькие дети новой эпохи даже Перестройку приняли не как патетический переворот, а как очередную усмешку реальности – что-то вроде новой компьютерной игры.

Если знать правила игры – можно терпеть.

А если правил нет? Если всё вылетело в трубу и будет вылетать дальше? Ни земли, ни неба, "только сны про бога и богиню"? И никаких истин – "их набор поместится на шахматной доске… …От короля до пешки – всё про то, и Гамлет, и Давинчи и Гораций. Как мало чистых истин, но зато, как много черно-белых вариаций".

Вариации плодятся бесконечно, и опять-таки: если знать правила варьирования ("всё про то"), тогда можно… всё…

Что всё?

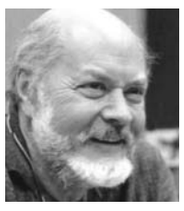
Можно врать пером, щекоча горло,
можно рвать словом, лишённым смысла.
Главное, чтобы по жизни пёрла
карта двух полушарий, меняя числа
не дней, а кресел в аэроплане
и полок в спальном купе вагона,
в котором, прильнув к оконной раме,
ты понимаешь, что нет закона
стихосложения, правил грамматики,
прочих условностей и привычек.
В одной части света царят прагматики,
В другой – канареечный посвист птичек…

В конце такого мирового "Путешествия" поэт за свой маршрут извиняется, предлагает читателю в утешение "двойное виски", а на макушке планеты оставляет "косой пробор".

Итак, ни правил, ни законов. Есть билет? – бери место и рви вперёд. Впереди пусто, как и позади: из памяти смыто всё: сверженные вожди, опростовосившиеся мечтатели, их бредни о Слове, в котором чудились начала и концы… Ничего нет!

Неужели и в летописях культуры – пустота? Но тогда зачем в стихах "и Гамлет, и Давинчи, и Гораций"?

Тут я натыкаюсь на первое плодотворное противоречие, зафиксированное Дмитрием Барабашем: вроде бы ничего нет в этом оглохшем мире, но почему-то каждый вздох оглашается стонами предшественников, выдыхавшим в пустоту тысячелетий свои жалобы и проклятья, мечты и надежды! Воздух переполнен голосами! Вроде бы пустота в мире, а притом такая переполненность, когда словечка не вымолвишь, чтобы не обнаружить, что кому-то вторишь.



Прелесть даже не в том, что эффектно чередуются цитаты (это и полагается в ультрамодном центоне), а в том, как они окликают тебя тайными знаками.

Иногда явно – когда выплывает ходячий образ с непременным опровержением: Пятница – вовсе не друг Робинзону, он – пьяница и прохвост. Или такое: "И что за глупость: быть или не быть?" Или: "Я знаю только то, что ничего не знаю". Очень актуально.

Но настоящая виртуозность – это когда средь шумного "литературного бала" появляются маски, шепчущие: "Об Осе и Ёсе, о Веле и Мире"… Хлебникова угадали? И Осю Мандельштама? А Ёсю? Если есть сомнения, то вот подсказка: "Листает века Шекспир, Высоцкий выводит SOS, и Бродский рисует Рим на фоне стеклянных звёзд". Рим там или Венеция – неважно. Везде что-нибудь такое: качается девочка на шаре, изысканный бродит жираф, и растёт не просто трава, а трава Тарковская, если же щебечет птица, то это синяя птица, которая и есть Беатриче.

Метерлинк переглядывается со старыми классиками, новые классики переглядываются с нами. "Я позвоню своей любимой маме, чтобы теплее стало на земле"… Кто звонит? Окуджава, конечно. А что у Набокова слово похоже на серп и молот, не замечали? А если не серп и молот, то инь и янь. И всегда ведь есть кому попенять на происходящее:

Ах, Александр Исаевич, всё же негоже
телеэкран декорировать патиной меди.
Время давно почивать на заслуженном ложе
в лаврах,
на шкуре облитого солнцем медведя.

Тут дело даже не в том, что литературные оклики несутся из-под всех шкур и со всех лож. Дело в обратной перспективе, из-под всех зарослей рычат волки, рявкают медведи, и поют синие птицы, но чем отчётливее голосит эта словесная рать, обжившая каждый миллиметр пространства, – тем непреложнее (в стихах Барабаша) сквозит и зияет в мироздании неодолимая бессловесная пустота.

Всё уже свершилось. Отговорило. Сварганилось. Скукожилось. Хорошо, что живёшь после всего.

"Лучше жить позже, когда бежать уже некуда, и уходить – некуда, и отступать тоже. Когда уже всё наперёд ведомо и, как говорится, написано на роже…".

Рожа, между прочим, это то, чем прикрыто лицо, – это тоже знак крутого стиля, не менее современного, чем феня или прикол… Но проследим дальше за тем, что именно написано на роже:

"Лучше жить после великих свершений, не имеющих отношения к тебе единственному. Когда не играет роли социальное положение и свергнуты догмы, возведённые в истины".

Мягко сказано, надо признать. Ни явных проклятий, ни жёстких опровержений – скорее, пробуждение от сна. Или от снов:

"И вся эта муторная – пидорасья – страна любовалась изящным скольжением того, что казалось небес отражением…".

Пидорасью отнесём туда же, где морда. Это знак стиля. Но как бесповоротно "бандитский разбой" прошлого (и будущего) покрыт сумерками "вечности", и как эту муть (не жуть, а именно муть) кроет "строгих икон молчаливый укор"…

Кроет, между прочим, "многоэтажно", то есть не теми словами, которые "в начале", а теми, которые… в конце, что ли, этой отыгранной комедии.

В общем, там, где предшественниками предполагалась глубина, – там только скука и мелкая грязь, там, где, казалось, было больше света, – обнаружилось и больше грязи, там, где грезилось счастье, там, как выяснилось, – в прах.

Но есть всё-таки в реальности что-то, обнажившееся из-под праха?

А как же! "Фарцовая тусня". Это – по-новой фене. А по старой – "квартирные вопросы, долги, машины, дачи и дублёнки". В брезгливой злости по отношению к этой оргии потребления Дмитрий Барабаш смыкается с самыми непримиримыми поэтами своего поколения, но даже в этом ряду выделяется бросткостью определений:

"Здесь правят миром злые пылесосы, а лицами – фарфорные коронки…".

Так и хочется вернуть "лицам" неподдельность "морд". Впрочем, Барабаш это и делает, видя своего встречного героя "с дебильной рожей на лице". Такая теперь Песня о встречном.

А между тем, почувствовано и сказано с потрясающей точностью:

"Нам одолжили вечные вопросы и приказали – золотом вернуть".

Золотом? А может, фарфоровыми коронками?

"В усы и бороды засовывая Мандельштамом сваренных ершей".

Без Мандельштама – никак?

Никак. Пора кончать эту жвачку про "свободную страну"… А на закусь – поразительное по точности завершение пиршества:

"И закончим перестройку обрезанием сердец".

Ну, закончим. А потом всё-таки попробуем поискать начало?

Оглядываясь в прошлое, Дмитрий Барабаш находит мощную поэтическую традицию касательно истории России и пробует в неё вписаться. Россия в мировой истории – уникум. Умом её не понять. Советчики со стороны не нужны. Нам закон не писан. От закона мы прячемся в благодать. Наследуя эту тему, поэт Двадцать первого века добавляет в неё… Что? Сейчас услышим:

Россия мать – разведена с отцами.
Отцы трясут могучими концами,
но нет России дела до отцов.
И до детей, распущенных из чрева,
и до того, кто скажет: слушай, дева,
зачни хоть раз без этих подлецов,
зачни бесстрастно, чисто, беспорочно,
как будто ты Иосифа жена.
И вот тогда, я это знаю точно,
ты вылезешь из вечного дерьма.

Вам ничего не напоминает эта мизансцена? Что-то подобное услышала Анна Ахматова от Анрепа, звавшего её в эмиграцию. И ответила ему, как если бы голосом Анрепа испытывал её сам Всевышний.

У Барабаша отвечает искусителю сама Россия:

Я не хочу. Ты лучше изнасилуй,
чтобы фингал, чтоб кровь, чтобы свобода,
чтобы проснулась совесть у народа,
и не мешай мне чувствовать восторг,
от улицы, закрученной спиралью...
от трёх углов. От слов, налитых сталью,
от утреннего звона куполов.

Я думаю, что и звон куполов (звенящих сталью), и закрут улиц (из которых нет выхода), и восторг от трёх углов (после которых четвёртому явно не бывать), – всё это уравновешивается словом "изнасилуй". Просит же страна!

От ахматовской строгой взвешенности отличает нынешнего поэта вольная замашка, помогающая вынести задавленную ярость при мысли о прошедшем.

Вот интересно: в настоящем лучше дерьма не касаться, в грязь не вляпываться, хранить пренебрежительное спокойствие, – но при мысли о прошлом… да и о будущем – скомпенсироваться по полной:

Человек в России звучит страшно,
Как окончательный приговор.
Всё остальное уже неважно.
Мы чувствуем правду в упор.

Что же за правда?

Время тайных убийств
Без судов и следствий.
Просто пуля в затылок и все дела.
Просто у самолёта перелом крыла.
Просто нашествие стихийных бедствий.

Стихийные бедствия очень кстати после смертоносной жары 2010 года (чтобы не заглядывать за рубеж с их торнадо, тайфунами и цунами).

За рубеж времени
тоже лучше не заглядывать:
Мы ещё вспомним Сталина
с его шарашками.
Неприкрытую подлость глаза в глаза.
Мы ещё вспомним Брежнева
с Чебурашками,
Взлетающими в олимпийские небеса.

Имея такую ошарашивающую перспективу, не пора ли, наконец, вспомнить Господа-Бога?

Господа-Бога Барабаш, естественно, поминает, и довольно часто. Приблизительно столько же, сколько его давние предшественники поминали партию и коммунизм. Но дело ведь не в том, кто что поминает, а в том, что заставляет его поминать.

Бог у Барабаша – присказка. Поминается к случаю. Сидит где-то там на небесах дед седобровый и ухмыляется. В наших соблазнах и бедах – не повинен.

"Блеск мишуры придуман не богами – и тем ему назначена цена. И сколько ни топчи его ногами, как виноград – ни хлеба, ни вина".

Мы топчемся тут, а он – там.

Может, это он нам приснился? И мы его придумали… на досуге? Или это он придумал нас? Тоже на досуге… прилёг и нашептал. А мы кинулись исполнять… Этакий свет в окошке!

"Каждой пылинкой света, летящей к небу, каждой былинкой, каждой былиной, каждой ракетой, всякими шатлами там, всякими там челноками – мы поигрались немножко с богами, с веками.

Мы получили пригоршни ответов и горы задач... Прыгал, звеня под рукою измученный мяч…".

Ну, мяч, понятно. А вот насчёт задач – поразительно точно сказано. А в результате всё оборачивается – игрой. Скачет мячик. Бред какой-то нездешний…

Да не бред, а сон! Притом сон поэтический. Вдохновение! У кого? У нас, естественно. То есть у Бога… искусственно. Искусно!

"Бывает и у Бога вдохновение. То Моцартом он будит страшный сон, то Пушкина весёлым дуновением сметает пыль с нахмуренных икон. То капельками, как свеча в бумагу, Он открывает миру Пастернака. То назначая тень пустым вещам – подмигивает, словно Мандельштам…".

Без Мандельштама – никак…

Так есть что-нибудь "свыше" или нет?

Нет. Ничего нету. Не проистекает!

"Чем больше близких оставляет нас, тем мир иной становится нам ближе, и выставляет, словно на показ, всё то, что не проистекает свыше".

Так что если ближние станут тебя доедать, и ты вынужден будешь с этим смириться, – вспомни, что ты – "божий дух в человечьей шкуре". Легче будет.

И не думай, что нет никакой связи между Всевышним, дремлющим в небесах, и нижним уровнем бытия, который в России таков… О, мы по опыту знаем, каков он в России:

"Человек в России звучит страшно, как окончательный приговор. Всё остальное уже неважно. Мы чувствуем правду в упор…".

Сейчас сверкнёт непременное мандельштамовское лезвие:

"Сверкает лезвие брадобрея, скользит по аорте то вверх, то вбок. И всё-таки, чем человек добрее, тем уязвлённее будет Бог".

Так что связь есть. Отрицательная. На Бога не надейся. Потому и не плошай. Ничего хорошего нас не ждёт, если сам Бог уязвлён нашими успехами.

В результате такой экспертизы грядущему веку предвещена чума.

Как спасаться?

"Плечом к плечу с народом".

Нет, теснее! "К заду – зад!". С юмором в заду. С нежностью на устах. И с твёрдостью в безжалостном сердце.

И чем нежнее ты вольёшь
любовь в рифмованную твёрдость –
тем очевидней станет ложь
и тем бессмысленнее подлость.

То есть ни от лжи, ни от подлости не уйти. А чтобы этот фатум стал очевиден, – нежно бесстрашие поэта. Жизнь впору отсчитывать заново. От нуля. Начинать приходится заново. С нуля.

"А чем помочь?"

В четырнадцать лет поэт со скучного городского тротуара мечтает "вернуться к травам"? (70-е годы на исходе.)

В семнадцать лет, любуясь белизной деревенского снега и следами лосиных копыт на февральском насте, – отдаёт себе отчёт, что слякотный асфальт от снега не посветлеет, и сколь ни бежать от его проблем, возвращаться придётся. (80-е уже наступили).

После сорока – "проклятые вопросы" лезут под шапку, и каждый волосок требует суда. Куда деваться? В секту? В запой? В трубу… всё в ту же – "вылететь в трубу"? (А уж новое тысячелетье на дворе.)

Талант заставил выкладывать отчаяние на бумагу.

"Я знаю точно, что одна строка вернёт нам всех, кого мы потеряли…".

Ах, если бы… Но – если пытаться? Оттачивать слово? Испытывать его молчанием? И снова оттачивать…

"Можно словом кончать, но его невозможно прикончить".

Ни допеть песню, ни оборвать её, ни исчерпать горечь, ни смириться с её неисчерпаемостью…

Родина, ты песня недопетая,
От которой пробирает знобь…

Знобь – знак подлинности тех чувств, с которыми оглядывается вокруг себя человек, получивший в наследство сначала "сто миллионов солнечных прозрений", а потом – в компенсацию – "пару рюмок с вашего стола".

Владимир БОНДАРЕНКО

Русская литература как чудо

Русская великая литература возникла как чудо, не объяснимое ничем. Страны с мощными и древними литературными традициями, что на Западе, что на Востоке, склонили голову перед русскими писателями. Джойс призывал учиться у Лермонтова, Акутагава – у Достоевского, Толстой и Чехов были вне конкуренции.

Поэт Георгий Адамович говорил в Париже на юбилейном вечере замечательного прозаика Бориса Зайцева: "…связь с лучшим, что Россия вообще дала. Потому что если и было какое-то русское чудо, почти внезапно возникшее и вот-вот готовое навсегда оборваться, то это именно наша литература, как сказал Поль Валери. Мы восхищаемся – и Европа восхищается вместе с нами, некоторыми созданиями русской музыки, порой даже отдельными редкими произведениями русского изобразительного искусства, – но я думаю, все должны признать, вдумываться, вслушиваться, вглядываться, что ни русская музыка, ни русское изобразительное искусство не достигают духовного уровня русской литературы. Сейчас мы бережём её наследие, стараемся по мере сил остаться ей верной, и потому присутствие среди нас писателя, который был плотью от плоти её в те дни, когда ещё сравнительно высоко стояло солнце её, служит каким-то оплотом, защитой от срыва и даже предостережением. Это чувство было у Чехова, но относительно к Толстому – Чехов говорил: после Толстого все пойдёт к чёрту"…

То же самое можно было сказать – после Бунина, затем – после Шолохова, в конце XX века – после Василия Белова и Юрия Кузнецова… Значит, без всякой преемственности, без явной переклички друг с другом, сама Россия, Русская земля, Русское небо давали силы новым русским гениям.

Я уверен, не экономика, не политика, и даже не армия – управляют Россией, а русская литература. В конце советского периода у нас была самая могучая в мире армия, с ракетами и бомбами, мы могли не единожды разгромить весь мир, у нас была не самая худшая экономика, цифры упрямо доказывают это, но не туда пошла литература, отвернулась от политики властей, и великая Держава рухнула в три дня. Впрочем, то же самое было и в 1917 году, и на фронтах неплохо дело шло, и заводы работали, но шёл уже "в белом венчике из роз впереди Иисус Христос", как пророчески писал наш гениальный поэт Александр Блок.

Так и хочется иной раз сказать нашим политикам: читайте же русскую литературу, и вы увидите вектор развития. Может, именно в этом и заключается тайный смысл мудрых слов "Красота спасет мир!" Красота русского слова, которому не нужны ни финансирование, ни дотации, ни даже дотошное растолковывание. Не об этом ли писал ещё один русский пророк Михаил Лермонтов:

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
……
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Красота слова всегда сопряжена и с его смыслом. Не случайно же именно Михаила Лермонтова как русского пророка и патриота цитировал президент Владимир Путин. "Вот недавно мы отмечали день рождения Лермонтова, он писал: "Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ". Он был оппозиционером? Конечно! Один из родственников попросил его смягчить текст стихотворения на смерть Пушкина. Он был оппозиционер, но он был патриот, он был офицер, очень смелый, храбрый, под пули шёл", – отметил он и процитировал фрагмент стихотворения. Я не считаю процитированный текст лермонтовским, на этот счёт много сомнений, но то, что у великого поэта было много дерзких высказываний о власти, – это факт. "Он, конечно, был оппозиционер к власти, но я считаю, что он был патриотом, – добавил Путин. – Это очень тонкая грань. Она внутренняя, её трудно увидеть внешне. В чём она заключается? Оппозиционер, даже очень жёсткий, в конечном итоге до конца борется за интересы своей родины…".

В этом и заключается чудо русской литературы, что её красота не абстрактна, а вполне национальна и значима.

Великую русскую литературу не объяснишь никакими филологическими трудами, этим она и отличается от общего потока беллетристики. Вроде бы и ритм тот же, и рифмы не хуже, и сюжет выстроен, но не берёт за душу, и не требует ответа. Потому и бесятся иные нынешние деятели современной литературы, типа Маруси Климовой, возмечтавшей изгадить всю русскую литературу, что и пишут складно, и книжки издают регулярно, но никакой загадки в них нет, никакого волнения души, вот и остаётся от ненависти и ревности обывательское желание назвать Пушкина идиотом, перечеркнуть Толстого и Платонова. Всё это от творческого бессилия, от невозможности прикоснуться к русскому чуду.

В дни поражений и трагедий даже самые именитые писатели (к примеру, Евгений Замятин) признают, что будущее русской литературы, да и всей России, в её прошлом, но проходит время и из самого неимоверного, казалось бы, сора вырастают новые русские шедевры Сергея Есенина и Владимира Маяковского, Андрея Платонова и Михаила Булгакова. И жизнь продолжается. Ибо без литературы как бы и нет истории, без запечатлённого словом времени улетучивается само время, целые столетия сливаются воедино, целые народы уходят в темноту и небытие. Заканчивается та или иная эпоха, уходят в прошлое властители и мгновенно растворяются даже из памяти, если они не были выхвачены из тьмы великим русским словом. В блокадные годы поэтесса Анна Ахматова клятвенно обещала от имени всех сограждан:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём
И внукам дадим и от плена спасём.

Потому и стараются все временщики и разрушители России прежде всего уничтожить величие русской литературы, вывести литературу за скобки живительного процесса. Нет литературы, и народу нечему внимать, не за чем идти, нет звука, на который надо отвечать. Да и язык сам уничтожается, коверкается, примитивизируется. Нынешняя литература как бы пишется языком Эллочки-людоедки. И опять все надежды обращены в прошлое. И вновь из нашего великого прошлого вытянется наше великое будущее. Как пишет Тимур Зульфикаров: "Русская тысячелетняя Культура от золотых райских икон, от народных хрустальных песен и плачей, от парчовых царских златотканных одежд до алмазного Пушкина; от хмельного Гоголя до яростного Толстого и

многострастного Шолохова вышла свято из Золотого Яйца Византии! Оглянись вспять, русский человек, на свою тысячелетнюю историю, – и радостно увидишь, как полыхает над всей русской, весёлой, хмельной, кудрявой культурой несметный Павлиний Хвост Византийского праздника и мудрости. Дивный расписной этот Хвост так велик, что распростёрся над всей необъятной землей русской, и несколько лучезарных, диковинных перьев его упали и на заснеженную северную равнину близ снеговых ледяных морей…".

Вновь надо нынче, спустя сто лет после блоковского "венчика из роз", русскому писателю прорвать кольцо тьмы, начертать на тайных скрижалях, непонятных порой ему самому, путь в будущее. Понять природу русского мессианства без литературы никак нельзя. Может быть, и внятная русская история у нас началась вместе с великой литературой, до этого периода почти одни мифы и легенды. И значит – есть литература, есть и Россия. Нет литературы – как бы нет и самой России.

Сейчас, в канун нового 2015 года, в сложнейший кризисный период, когда и во внешнем мире, и во внутреннем растёт число ненавистников России, когда молодёжь, увы, бежит и в западные и в восточные страны, бизнес сворачивается, промышленность и сельское хозяйство влачат жалкое существование, в экономике вряд ли возможно какое-то чудо, ждать нечего. Повести за собой народ может только новое Русское слово, новая литература, наполненная новым и одновременно древним смыслом. Экономисты и инженеры, военные и даже философы на роль миссионеров не годятся, русское миссианство способны возглавить только талантливые и бесстрашные писатели.

Один из таких миссионеров писатель Александр Проханов пишет: "Страшную трагедию переживают русские! И не только потому, что Западу нужны наши земли и ресурсы, а потому, что русские – мессианский народ, и они постоянно предлагают миру альтернативные пути жизни. Они постоянно укоряют Запад и остальное человечество, что оно живёт напрасно, что мир не должен быть устроен так, как он устроен. Что в мире не должен господствовать чистоган, что он должен быть справедливым, что все должны любить друг друга! Задача построить такое общество всё время преследует русских, и русские постоянно стараются создать такое альтернативное общество.

И говорят миру укоризну! А мир эту укоризну воспринимает как оскорбление. И посылает то Наполеона, то ещё Бог знает кого… Чтобы понять русское мессианство, нужно знать, кто такой старец Филофей, который провозгласил концепцию "Москва – третий Рим". Он говорил, что государство все свои умения должно употреблять не только на то, чтобы создавать укрепления, пушки, коптильни и молотильни… Его главная миссия – защищать светлую веру!..".

О том же пишет по-своему, обращаясь к другой, молодой аудитории писатель Сергей Лукьяненко в романе "Шестой дозор". Любой русский мировоззренческий проект последних веков – это попытка альтернативного пути всему человечеству.

Столыпинский проект, сталинский проект, путинский проект?

Убрать из русских русскость – это значит, обречь всё человечество на поражение и гибель. Вот потому и приравнивают ныне многие вороватые чиновники русскость к экстремизму, дабы защитить себя от народного подъёма, от развития русской цивилизации. В манифестной, агитационной, плакатной форме русскость уже практически запрещена повсеместно. Хотя от русской всечеловечности не пострадал пока ещё ни один народ в мире. Это же самые цивилизованные народы принесли миру и рабство в США, и истребление всех аборигенов в Австралии и других колониальных странах, и фашизм по всей Европе. Да и Маркс с Энгельсом родились не на берегах Волги. Мы, русские, лишь в каком-то смысле русифицируем, очеловечиваем все эти так называемые "цивилизованные" проекты. Потому и великая русская литература всегда была и будет направлена на спасение человека. Мы можем заимствовать у западных писателей форму, тот или иной приём, даже жанр, но наполняем этот жанр, форму, размер своим национальным содержанием. Мы же не скрываем: и классический роман, и баллада, и тот же рок – впервые появились не у нас, но русский роман, русская баллада, русский рок уже ни с какими другими не спутаешь. У того же Александра Проханова нахожу: "Где мы черпаем силу? Православная вера сегодня охватывает далеко не весь народ, а только небольшой его фрагмент. Многие относятся к религии индифферентно, кто-то с сарказмом, кто-то с сомнениями; лишь небольшая часть народа является реально воцерковлённой. Русская культура в целом являлась верой, когда православная вера умолкала. Скажем, в XIX веке вера была тучной, она затихла. И тогда вместо неё выступила на первый план культура. Серебряный век, вся русская поэзия – это один непрерывный псалом, непрерывная молитва, которую русский человек возносит в небеса. Он славит небеса, молит Господа о спасении, молит, чтобы раскрылись ему тайна и смысл его пребывания на земле.

И ещё русская природа! Мы же все в природе. Ни один народ так не богат своей природой как наш. Весь Есенин – непрерывная песнь природе. Сколько там оттенков! Там светомузыка ручьев, таинственная благодать осенних лесов и рощ, там русские дороги…

Вот три силы: православие, русская культура и русская вера. И в них мы черпаем свои силы!..".

Может, в этом и заключается сила русской литературы, что взятая откуда угодно и в какое угодно время та или иная форма заполняется мистическим, мессианским содержанием. После пустоты нулевых годов, так радовавшей наших либералов, вновь, как из-под земли появилась сейчас новая русская литература.

Вначале это были бунтарские пробы пера, то самое лермонтовское оппозиционерство, но сейчас уже появились одно за другим: "1993" Сергея Шаргунова, "Обитель" Захара Прилепина, на мой взгляд, – первая большая литература двадцать первого века. Будут и новые книги. А с большой литературой начнёт подниматься и большая Россия. Так тому и быть! Русское чудо продолжается.